

Когда они вышли из отеля, на пляже уже началось пиротехническое шоу. С каждым новым залпом салюта в толпе раздавались восторженные возгласы. Ли Сытэ уже собрался направиться в ту сторону, где стояли Сюй Лувэй и остальные, но Чжо Линчуань удержал его за руку.

— Там внизу слишком много народу. Я отведу тебя в другое место, там смотреть будет лучше.

Ли Сытэ еще колебался, но Чжо Линчуань уже тянул его за собой, огибая внешние ряды толпы, и они устремились в противоположную сторону. Вскоре до них стало доноситься лишь приглушенное эхо фейерверков.

Однако, стоило им завернуть за угол отеля, как перед ними возникла невысокая, чуть больше метра, площадка. Чжо Линчуань, опираясь на руки, легко запрыгнул наверх и обернулся, протягивая Ли Сытэ ладонь. Тот смахнул его руку, подражая движениям спутника, уперся ладонями в край и ловко подтянулся.

— А у вас, учитель Ли, отличная подготовка, — с улыбкой заметил Чжо Линчуань. — Идем за мной.

Ли Сытэ полагал, что на этом их путь окончен, но рядом обнаружилась лестница, ведущая еще выше, к другой площадке.

— Это смотровая терраса, принадлежащая отелю. Отсюда открывается идеальный вид на салют. Сейчас все внизу, на пляже, так что здесь мы будем одни.

Они поднялись на террасу, и, как обещал Чжо Линчуань, там действительно было пусто. Только два уличных фонаря да несколько цветочных горшков замерли в ночном воздухе.

— Откуда ты о ней узнал?

— Днем прогуливался здесь.

При упоминании о дне Ли Сытэ еще раз поблагодарил его. Никто не знал, что у него аллергия, а почти все блюда на ужин состояли из креветок, крабов или моллюсков. Позже Чжо Линчуань сам приготовил ему миску яичной лапши и позвал доктора У, сопровождавшего группу, чтобы тот сделал укол противоаллергенного препарата.

— Все еще чешется? — снова спросил Чжо Линчуань. Он уже четвертый раз задавал этот вопрос, выказывая явную обеспокоенность состоянием Ли Сытэ.

Тот покачал головой.

— Снимешь маску? Все равно никого нет, — предложил Чжо Линчуань и первым снял свою.

Он опустил взгляд на Ли Сытэ, и в этот же миг их глаза встретились. Ли Сытэ тут же отвел взгляд. Чжо Линчуань задумчиво посмотрел на оленьи рога, украшавшие маску собеседника, внезапно протянул руку, коснулся одного из них и пробормотал:

— Словно олененок.

— Что?

Чжо Линчуань одарил его обезоруживающей улыбкой:

— Я говорю, твои глаза отлично сочетаются с этой маской.

Ли Сытэ не понял, комплимент это или насмешка, но не стал углубляться в расспросы. Немного поколебавшись, он все же снял маску. Несмотря на то что она была качественной и дышащей, провести в ней несколько часов было утомительно. Когда прохладный ночной ветерок коснулся лица, это было подобно нежному прикосновению чьих-то ладоней.

Ли Сытэ глубоко вздохнул и поднял голову к небу, расцвеченному вспышками фейерверков.

Они стояли молча, наблюдая за представлением. Когда первый залп завершился, Чжо Линчуань нарушил тишину:

— Любишь смотреть на салюты?

— Пойдет, — ответил Ли Сытэ. — Но не стал бы ехать ради этого куда-то далеко.

Чжо Линчуань замер, а затем рассмеялся:

— Учитель Ли, ты смеешься надо мной?

— Нет, просто подумал, что ты довольно романтичен.

— О, она бы точно не оценила романтику, — с досадой отозвался Чжо Линчуань. — Она бы только подумала: наконец-то дядя выполнил свое обещание.

Ли Сытэ в изумлении переспросил:

— Дядя?

— А что, ты думал, я здесь с какой-то омегой флиртую? — Чжо Линчуань рассмеялся, глядя на его ошарашенное лицо. — Учитель Ли, ты что, перечитал моих так называемых светских сплетен?

— Нет, — смутился Ли Сытэ. — Прости, я не так понял.

Чжо Линчуань пожал плечами, всем видом выражая смирение:

— Ничего не поделаешь, слухи преследуют меня повсюду, и это моя вина. Но я скажу тебе правду: я никогда не состоял с ними в отношениях. Поверишь, если скажу, что все это — лишь

пустые сплетни?

— Люди со стороны не знают всей правды, заблуждения неизбежны. В каком-то смысле это даже признание твоих внешних достоинств.

Чжо Линчуань улыбнулся:

— Учитель Ли, ты умеешь находить нужные слова. Я даже перестал расстраиваться из-за этих слухов.

— Если это ложь, то рано или поздно она сама себя опровергнет.

— Это была дочь моей сестры. Вчера утром она не хотела вешать трубку, и я, воспользовавшись тем, что она еще спала, тайком сбежал на съемки. А когда она проснулась и не обнаружила меня, устроила сестре грандиозную истерику.

— Сколько ей лет?

— Восемь. Вроде бы понимает, но при этом упрямая и избалованная. А с другой стороны — уже мастерски умеет торговаться, — Чжо Линчуань беспомощно развел руками. — Я случайно проговорился, что сегодня будет фейерверк, и она заставила меня смотреть его вместе с ней.

— Умный ребенок.

Похвала детям всегда приятна родителям. Пока что вопросы воспитания были для Ли Сытэ «слепой зоной», поэтому он мог выдавать лишь стандартные реакции, основываясь на повседневном опыте. К счастью, заметив его замешательство, Чжо Линчуань быстро перевел тему.

— Ладно, не будем о детях. Расскажи о себе.

— Обо мне?

— Ты снялся в своем первом сериале, когда тебе было всего шесть лет. Что ты тогда чувствовал?

— Не помню, слишком много времени прошло, — Ли Сытэ задумался. — Впрочем, пару лет назад на семейном ужине родственники вспоминали, что в детстве я терпеть не мог съемочную площадку. Каждый раз, когда за мной приезжали, я начинал реветь, и маме приходилось ехать вместе со мной. У нас дома есть альбом, где мы с мамой сфотографированы во время съемок. Глядя на себя того, я выгляжу вполне довольным, совсем не похоже, что я не хотел там быть.

— В «Шепоте песков» ты тоже был совсем юным. Сколько тебе было тогда?

— Восемнадцать. Это был первый сериал, где я играл главную роль. Я был такой неопытный, и играл ужасно.

— Ужасно? Ну, неопытность — это правда, но до «ужасно» там было далеко. К тому же, тот танец с мечом был просто великолепен.

— Возможно, это был единственный яркий момент за весь сериал.

— Жалеешь, что стал актером?

— Конечно, нет. Напротив, я благодарен. Спасибо индустрии развлечений за то, что дала мне кусок хлеба, иначе я бы даже не знал, чем заняться.

Ли Сытэ говорил с предельной серьезностью, и Чжо Линчуань невольно рассмеялся:

— На самом деле, это зрители должны благодарить тебя за то, что ты их кормишь.

— Что?

Увидев растерянное лицо Ли Сытэ, Чжо Линчуань снова расхохотался:

— Учитель Ли, ты что, не знаешь, что значит «голодным нужен корм»?

— То есть... это значит, что люди голодны и просят еды?

— В каком-то смысле, да. В данном контексте твои роли — это еда, а фанаты — те, кто ждет, чтобы их накормили качественной игрой. Они часто надеются, что талантливые актеры подарят им больше прекрасных работ, — Чжо Линчуань снова улыбнулся. — Учитель Ли, ты что, живешь в информационном вакууме?

— Э-э...

— Ты играешь очень сдержанно, мне это нравится, — заметил Чжо Линчуань. — Я не актер и не профессиональный критик, но со стороны обычного зрителя чувствуется: ты контролируешь себя в кадре. Некоторые стараются показать свое мастерство через силу, и получается переигрывание.

На это было сложно ответить, не задев никого из коллег. Ли Сытэ бросил взгляд на режиссера Ванга, который неизвестно когда подошел ближе, намекая Чжо Линчуаню быть осторожнее с высказываниями. Тот лишь покачал головой:

— Ничего страшного. Мы просто беседуем. Если съемочной группе покажется лишним, они просто вырежут это при монтаже, верно, режиссер Ван?

Режиссер Ван был вынужден кивнуть. Ли Сытэ не хотел продолжать этот разговор и спросил:

— Тебе нравится океан?

— Нравится. Слышал песню, которую я сегодня исполнял на сцене?

Ли Сытэ кивнул:

— Цю Нань говорил, она называется «Глубина».

— Верно.

Чжо Линчуань присел на перила террасы и похлопал по месту рядом с собой, приглашая Ли Сытэ присоединиться. Тот не решился сесть на перила, предпочтя плетеное кресло у

цветочной подставки.

В этот момент небо вновь расцвело яркими залпами салюта. Вскоре после них воздух наполнился густым запахом пороха, который, смешиваясь с соленым морским ветром, создавал ту самую атмосферу прибрежной романтики.

— Он говорил тебе, что я написал эту песню, когда группа была на грани распада?

— Разве нет?

— Нет, — отрезал Чжо Линчуань. — «Глубину» я написал в пятнадцать лет. В тот год на летних каникулах мы с семьей отдыхали у моря. Однажды я заплыл слишком далеко, за буйки. Плавал я тогда неважно, а волны были сильными, и я едва не утонул. Меня спас дежурный спасатель, и позже я написал эту песню. Просто так совпало, что во время ее выпуска у группы возникли небольшие трудности.

Ли Сытэ не стал расспрашивать, что за трудности были у группы, из-за которых пошли слухи о распаде, — он вспомнил себя в пятнадцать лет.

Хотя в шесть лет он снялся в известной комедии, после этого он вернулся в школу, а Чэнь Сюанься, его агент, отклоняла любые другие предложения. В четырнадцать лет к нему обратились из съемочной группы фильма о школьнике, попавшем в финансовую пирамиду. В пятнадцать лет фильм вышел в прокат, и его игра разочаровала многих. Маркетологи разнесли его в пух и прах, писали, что «вундеркинд в детстве не обязательно талантлив в зрелости», а зрители, создавая фейковые аккаунты, приходили к нему в соцсети, чтобы оскорбить его, называя «пустым лицом», которое даже не может сыграть свою роль.

— О чем задумался? Стал таким серьезным, — спросил Чжо Линчуань.

Ли Сытэ покачал головой:

— Ни о чем. Просто подумал, что ты в пятнадцать лет был очень сильным. «Глубина» прекрасна, и история о том, как маленькая рыбка спасает сама себя, идеально подходит для сегодняшнего вечера.

Чжо Линчуань посмотрел на него и, видя, что тот не хочет откровенничать, не стал настаивать. Он просто кивнул и подхватил его мысль:

— Да, я тогда немного изменил текст.

Затем, словно внезапно решившись, он наклонился к Ли Сытэ и тихо спросил:

— Хочешь послушать оригинал?

Грохот фейерверков и слова Чжо Линчуаня донеслись до Ли Сытэ одновременно. Он все услышал, но на мгновение замер, ошеломленный. А затем сердце в груди забилось в несколько

раз быстрее. Он ущипнул себя за ладонь и, сделав вид, что ничего не произошло, поднял голову к небу, так и не ответив.

<http://bllate.org/book/21855/2267543>